

Олена Поліщук
Olena Polishchuk

Житомирський державний університет
імені Івана Франка, Житомир (Україна)
polishchuk.o.p.2015@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1095-8031
DOI:

ДИЛЕММА «СВОЙ» И «ЧУЖОЙ» В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ОПЫТ УКРАИНСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Дилемма «Свой» и «Чужой» в условиях войны: опыт украинской и немецкой художественной литературы XX века

Нами осуществлен анализ восприятия ценности жизни человека или группы сквозь призму проблемы «Свой – Чужой» в условиях военного конфликта на примере творчества известных писателей XX века, а именно Бертольда Брехта и Александра Довженко. Они были непосредственными свидетелями Второй мировой войны, как трагедии мирового масштаба в человеческой истории и культуре, и дали в своих произведениях оценку войне как социальному явлению. Также нами обращено внимание на роль наполеоновских войн, как глобального конфликта, который создал благоприятные условия для тотальной деградации христианской морали и ценности принципа гуманизма как человечности и признание права человека, как личности, на свободу проявления своих способностей и права на существование вообще. Они привели к появлению перманентной мобилизации через насильственный призыв мужчин определенного возраста и быстрого обучения их искусству убийства, росту морального нигилизма, что стало нормой жизни для многих европейских стран, на что обратили внимание такие писатели как Альфонс Доде, Эмиль Золя и др.

Ключевые слова: Бертольд Брехт, Александр Довженко, война, наполеоновские войны, альтруизм, нигилизм.

The dilemma «Own» and «Alien» in the conditions of war: the experience of Ukrainian and German literature of the XX century

We have carried out an analysis of the value of a person's or a group's life in the prism of the problem «Ours – Aliens» in a military conflict on the example of the works of famous writers at the twentieth century such as Bertold Brecht and Alexander Dovzhenko. They were direct witnesses of the Second World War, as a tragedy of a global scale in human history and culture, and gave in their works an assessment of the war as a social phenomenon. We also drew attention to the

role of the Napoleonic wars as a global conflict which created favorable conditions for the total degradation of Christian morality and the value of the principle of humanism as humanity and the recognition of the human right as an individual, to freedom of expression of his abilities and the right to exist in general. They led to the phenomenon of permanent mobilization through the forcible recruitment of men of a certain age and rapid training in the art of murder, and the rise of moral nihilism, which has become the norm for many European countries, and this phenomenon was drew attention to such writers as Alphonse Daudet, Emile Zola, and others.

Keywords: Bertold Brecht, Alexander Dovzhenko, war, Napoleonic wars, altruism, nihilism.

Введение

Война – это не только открытое проявление конфликта экономических, политических, религиозных или национальных интересов разных стран. Война имеет и другое значение в истории человечества: массовое уничтожение противника, разрушение инфраструктуры городов и многих материальных культурных ценностей, соревнование пропаганды и контрпропаганды при создании образов «Хороших наших парней» и «Плохих врагов» и девальвация ценности человеческой жизни как таковой.

Но война в современных условиях становится угрозой существованию человечества, если вспомнить опыт и последствия не только для Европы, но и мира Первой мировой войны и особенно Второй мировой войны. Деструктивный опыт Второй мировой войны все еще не изжит, на территории Европы опять война, Украина в который раз стала объектом нападения со стороны европейского государства, правда уже в XXI веке. Поэтому обращаем внимание на важность моральной оценки происходящего за последние столетие в европейской культуре: «Фашистами (*fascio* – связка, союз) назвали себя в начале 1920-х годов последователи Муссолини. Они и не подозревали, что это имя станет нарицательным. Оно станет определением носителей духовной чумы XX века, гораздо более опасной и разрушительной, чем все наличные и будущие бомбы. Подобно хамелеону, фашизм в своей окраске разнообразен, но за разными масками скрывается всегда одна и та же сущность: религия зла».1 Если допустить еще раз что-либо подобное в современных условиях, тогда не исключено, что следующая военная конфронтация будет довольно жалкой в средствах: камни и дубинки в руках немногочисленных воинственных полуголых дикарей, раскрашенных глиной, тату или рубцами. Как кажется, это еще довольно оптимистическое предположение, ибо количество разнообразных средств массового уничтожения населения в наше время такое, что при применении ядерного оружия, не говоря уже о химическом и бактериологическом арсенале средств массового уничтожения, способными выжить будут, наверное, какие-то насекомые и крысы. И это при условии, что наша планета вообще будет сохранена, что она не превратится в еще один пояс астероидов Солнечной системы или просто космический мусор.

Поэтому проблема оценки ценности человека или группы сквозь призму проблемы «Свой – Чужой» в условиях военного конфликта, как объект исследования, представляется важной не только в теоретическом, но и практическом аспекте.

Нами предлагается ее проанализировать на примере творчества известных писателей XX века, ставших свидетелями трагедии мирового масштаба в человеческой истории и культуре – Второй мировой войны, и давших оценку войне как социальному явлению. Это украинский писатель, сценарист и кинорежиссер Александр Довженко (украинский язык – Олександр Довженко) и немецкий писатель, драматург Бертольд Брехт (немецкий язык – Bertolt Brecht). Этот выбор не случаен, ибо оба писателя не просто известны в национальной среде и являются, так сказать, ярким «лицом поколения». Их творчество своей незаурядностью и многогранностью заинтересовало многих и за пределами их стран рождения.

Они оба незаурядные как личности и известны негативным отношением к войне как социальному явлению. Поэтому столь интересным кажется рассмотрение как нравственных особенностей каждого из них, так и анализ наличия/отсутствия опыта непосредственного участия в боевых действиях во время войны, а также степени влияния этого фактора на отношение к войне как социальному явлению, с одной стороны, и их отношение к проблеме «Чужого» (ролевое представление – «агрессор» или «обидчик»; «поверженный» или «пленный»; «мирный житель» или «кадровый военный»; «мужчина» или «женщина»; «старый человек» или «молодой человек»; «взрослый» или «ребенок»), с другой стороны. Предполагаем, что наличие непосредственного боевого опыта существенно влияет на оценку войны как явления и более дифференцированное различие «Чужого», как представителя иной стороны военного конфликта. Еще одной гипотезой этого исследования является идея о корреляции боевого опыта со степенью безразличия к страданиям других людей, особенно если речь идет о представителях противоположной стороны военного конфликта, т.е. к чужакам. Хотя возможно не безразличие, а подчеркнутое негативное отношение к инородцу, чужаку – «Другому», и, соответственно, радость или удовольствие от его унижительного положения, страдания или увечий и даже гибели, не говоря уже о разрушении среды обитания конкурента.

Однако каждый из них, как яркая творческая личность, представляет культуру страны, которая выступила участником военного и трагического противостояния. Национально-культурный контекст формирования Бертольда Брехта (Bertolt Brecht – немецкий язык) и Александра Довженко (Олександр Довженко – украинский язык) как личностей, несомненно, повлиял как на их мировоззрение, ценностные оценки различных событий социальной жизни и, конечно же, повлиял на восприятие войны и ее последствий как деструктивного социального явления. Исследуя результаты их творчества, а именно художественно-литературные произведения, предполагаем выявить

эти различия. Правда, мы не будем пытаться осуществлять анализ конкретной национально-культурной традиций двух стран – англо-саксонского культурного круга и славянского культурного круга, когда речь идет об элементах и причинно-следственной составляющей каждой из этих традиций. Только обращаем внимание, что представители одной из них, имеют значительный опыт, так сказать, агрессора или «морального деструктора» с точки зрения представителей другой, если учитывать события Первой мировой войны (ее начали не представители украинской национально-культурной традиции, хотя значительной частью населения Российской империи являлись именно украинцы; впрочем этнические украинцы проживали на тот момент и в других странах, также вовлеченных в эту войну, к примеру – в Австро-Венгерской империи или Польше). Однако территория Украины побывала в зоне немецкой оккупации в период 1914-1918 года. (Достаточно вспомнить условия так называемого Брестского мира). Такое состояние дел не могло не влиять на отношение к тем, кого раньше оценивали как агрессора или «обидчика», после того как вторично за короткий промежуток времени – меньше жизни одного поколения – было осуществлено нападение на украинскую землю. Но есть и обратная, как предполагаем, сторона медали: в художественно-литературных произведениях может быть зафиксировано и иное отношение к событиям и их участникам. А именно фиксируется взгляд и позиция представителей стороны, которая вряд ли себя оценивала как агрессора с точки зрения «морального деструктора», т.е. как «обидчика», и скорее всего они считали себя победителями или героями (по крайней мере многие из них).

Также попытаемся проанализировать влияние наполеоновских военных кампаний на резкую девальвацию ценности человеческой жизни в европейской культуре XIX – XX века, несмотря на христианское убеждение об особенном статусе человека на Земле и важности заповеди: «Не убий», предполагая об их деструктивной роли на развитие моральных основ жизни европейцев и кризис ценности принципа альтруизма в повседневном существовании. Ведь именно наполеоновские военные кампании можно взять за «первую ласточку» нигилизма как широко распространенного морального ориентира и причину вовлечения очень большого количества людей разных стран во все «преlestи» военных действий. Французская культура постепенно формировалась на пересечении многих традиций: от галлов и римлян во времена варварства/ Античности до вестготов, бургундов, салических франков, норманнов и прочих менее известных племен во времена Великого переселения народов, и в следующие века у нее также были новые «источники пополнения». Но только в XIX веке, во времена Наполеона III, у представителей французского народа возникло желание поставить в Бургундии памятник одному из кельтских вождей – Верцингеторигу, который якобы жил во времена Цезаря и был вождем авернов. И этот национальный миф был с энтузиазмом принят многими французами, и стало тогда не важно, а жил ли он когда-то действительно или, наоборот, не жил. Поэтому не столь удивительной кажется и франко-прусская

война 1870-1871 годов. Она является закономерным итогом наполеоновских военных кампаний.

А создание новых и новых подобных мифов стало не просто европейской модой со второй половины XIX – начала XX века. Так началась новая эпоха в мифотворчестве, когда литераторы, журналисты, историки и государственные деятели рука об руку, так сказать, стали насыщать общественное мнение различными мифами, которые транслировались уже не в устной традиции, а благодаря популярной литературе и средствам массовой информации того времени. И постепенно «сон разума» стал порождать все новых и новых «чудовищ», но связанных не с русалками или домовыми, чертями и Лилит, сукубусами или инкубусами, или другой формой жизни из какого-то невидимого мира, а с образом врага-соседа – «Чужого».

Мифизация/мифологизация общественной жизни стала ярко нацеливаться на поиск новых и новых объектов, подходящих для героизации, и стал важен феномен вождизма, а не правителя как «помазанника Божьего» или прагматичного и компетентного избранного президента, для которого важны христианские ценности. И «его Величество» популизм стал восприниматься как что-то важное и нужное, по мнению многих европейцев, и, следовательно, существовать не только как элемент предвыборной риторики, а элементом повседневной жизни многих слоев населения Европы.

Поэтому события Первой мировой войны и особенно Второй мировой войны не кажутся связанными только с экономическими и политическими факторами европейской жизни последнего столетия. Важно обратить внимание и на социально-культурные факторы, способствующие нигилизму, популизму и вождизму как явлениям социальной жизни и феноменам культуры. Ведь еще одну мировую войну человечество просто не переживет.

Европа и странные лики войны: дискурс неочевидного

В XX веке территория Европы, прежде всего, стала центром всемирной драмы, переживши две кровопролитные мировые войны и гражданские войны в некоторых странах. Тогда европейцы получили тяжелый опыт массовой гибели гражданского населения, падения авторитета религии и церкви, разрушения института семьи и традиции, упадок морали и гуманизма. Эти войны выступили катализатором изменений в этой части света, к примеру, образование Евросоюза в конце XX века. Хотя его проект имел место еще в начале века под девизом «Соединенных Штатов Европы».

Однако важно обратить внимание, во-первых, на количество мировых войн, интервал между которыми составлял жизнь одного поколения. Две мировые войны на протяжении одного века – это феномен, который необходимо понять, чтобы избежать третьей подобной войны.

Пережив трагедию в начале века – Первую мировую войну, европейцы не только не воспротивились попыткам развязать следующую войну, но даже восприняли ее как нечто должное, и это кажется странным. Еще более

странным все тогда происходившее будет казаться, если обратить внимание и на другой не менее любопытный факт, а именно временной интервал между наполеоновскими войнами и началом Первой мировой войны. На что хотим обратить внимание? Последняя из них началась через сто лет. А это период жизни только одного-двух поколений. (Парижский мирный договор 30 мая 1814 года, Парижский мирный договор 20 ноября 1815 года², ознаменовавшие окончание наполеоновских войн, и 1 августа 1914 года как начало мировой войны, хотя иногда точкой отсчета рассматривается предшествующее убийство эрцгерцога Фердинанда, наследника престола Австро-Венгрии, и его моргантической супруги Софии Хотек, герцогини Гогенберг). Поколение XIX века передало в XX век очень необычный «подарок».

Наполеоновские войны были глобальным конфликтом, унесшим более миллиона жизней и превративших сотни тысяч людей в инвалидов, убившим множество здоровых мужчин и оставивших множество вдов и сирот, а также стариков без средства к существованию. Наполеоновские войны затронули многие страны мира и слишком много стран Европы. Однако не все современники тогда поняли беспрецедентностью происходящего, его причины и, главное, последствия.

К примеру, критический анализ генерал-лейтенантом и военным историком Модестом Богдановичем (1805–1882) военных действий по левую сторону Рейна, а потом окончания войны и условий заключения Парижского мира, изложенный в его работе История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, 3 официальными историками был встречен настороженно. Ведь он пытался развеять легенды об этой военной кампании, исходя из ее политической подоплеки, а не личных качеств и особенностей характера Наполеона Бонапарта. Но написана книга была спустя некоторое время, а именно в 1865 году.

Наполеоновские войны были беспрецедентными по масштабу событий и количеству жертв. И, как следствие, они создали благоприятные условия для тотальной деградации христианской морали и ценности принципа гуманизма как человечности и признание права человека, как личности, на свободу проявления своих способностей и права на существование вообще, а тем более альтруизма в отношениях между людьми. И происходило это не в отдельных нескольких странах, а в целом на континенте. (В самой Франции ситуация усугублена была предшествующей революцией 1799 года, потрясшей ее социальную и политическую системы, волюнтаризмом и террором Первой Французской республики, а также более ранней семилетней войне и пауперизацией населения).

А также они были катализатором и многих других изменений в жизни европейцев: определение новых границ между государствами и создание Венской системы международных отношений, а также Священного союза европейских государств; появление добычи сахара из свеклы и падение английской монополии на его производство, возникновение моды на французскую

одежду, стандартизация мер веса и популярности десятичного исчисления, а также правостороннего движения и т.п. К тому же привычным становится перемещение больших групп людей с территории одного государства в другое, в том числе иммиграция образованных, но не богатых людей с территории Франции. Ведь последняя должна была выплатить в пятилетний срок странам антифранцузской коалиции контрибуцию в 700 млн франков и содержать иностранную армию в 150 тысяч человек.

Тогда же произошел «Четвертый раздел» Польши, когда Познань и польское Поморье стали частью Пруссии, российский император провозглашается польским царем, к Австрии отошла Червоная Русь и южная часть Малой Польши.

Другими словами, наполеоновские войны не просто стали катализатором резких и многочисленных изменений в способе и ценностях жизни многих европейцев. Они создали фактически иной облик Европы, изменения коснулись огромного количества людей, и они не способствовали укреплению таких социальных институтов как семья и мораль.

Также наполеоновские войны, как кажется, способствовали созданию образа врага с «национальным лицом», а не просто «джентльмена удачи» из-за авантюризма и нищеты существования или кадрового военного, состоящего длительное время на службе сюзерена, предки которого также занимались подобным ремеслом. Так стала важна дилемма «Свой – Чужой» в условиях военного конфликта уже не в национальном аспекте, а общеевропейском контексте. В новом облике врага уже четко была видна его принадлежность к определенному государству, как и требование всеобщей военной службы во имя могущества этого государства на многие годы. Государственная пропаганда о своих «хороших парнях» и «плохих чужих парнях» перестала отдаваться исключительно народной молве или картинам художников-баталистов. «Тяжелой артиллерией» пропаганды стали пресса и художественная литература.

Поэтому не удивительным следствием стало возникновение перманентной мобилизации через насильственный призыв мужчин определенных возрастных групп и быстрого обучения их искусству убийства, как феномен европейской культуры XIX века. (Перманентная мобилизация впервые произошла во время франко-прусской войны 1870 года, когда на протяжении нескольких месяцев компенсировались военные потери притоком «свежих сил»). Вопрос о том, какие переживания имел при этом призывник и члены его семьи, в расчет конечно не брались.

Правда, некоторые писатели попытались обратить на это внимание. Например, следует вспомнить Рассказы по понедельникам (*Contes du lundi*, 1973) Альфонса Доде (*Alphonse Daudet*) или роман Разгром (*La débacle*, 1892) Эмиля Золя (*Émile Zola*), посвященные событиям этого военного конфликта, прежде всего битве при Седане, и его последствиям для тех, кто его смог пережить. В них описываются судьбы людей, вынужденных существовать в условиях социального катаклизма или даже коллапса. Натуралистическая эстетика таких

художественных произведений одних читателей повергла в шок, но других конечно заинтриговала.⁴ Однако никакое художественное произведение не способно так очерствить человека, изменив навсегда его внутренний мир и линию поведения, как участие в военном конфликте.

Наполеоновские войны, как кажется, были подобны mine замедленного действия, к тому же, так сказать, несколько зарядной. Экономические проблемы и особенности государственной политики одной европейской страны показали, как быстро они способны негативно повлиять на социальную жизнь других государств, подобно принципу домино.

Следует помнить, что человек, как биологический вид, очень своеобразное существо. Назвав себя *Homo sapiens* и прикрывшись способностью к усиленному размышлению, разуму, мы пытаемся, как будто, не замечать факта, что наделены не только ими, но и развитым воображением, чувственностью и легкой возбудимостью. Человечество есть совокупностью существ, с биологически развитой видовой особенностью быть «универсальным хищником», о чем свидетельствует, например, всеядность в рационе питания. Мораль как элемент социальной жизни, сдерживающий нашу агрессивность и биологическую склонность к насилию, убийству, способна выполнять свою положительную роль только в ситуациях более-менее стабильных условий повседневного существования человека и его социальной группы. В условиях масштабного военного конфликта, тем более длительного течения войны, происходит девальвация этого социально-культурного института, его традиционных норм и принципов, тогда «биологический зверь» легко может уже вырываться наружу.

Как кажется, наполеоновские военные кампании были не просто прелюдией больших трагедий XX века, они были спусковым крючком в цепи последующих событий в Европе, позволившему «биологическому зверю» освободиться. Не удивительно, что это почувствовали некоторые писатели и философы XIX века. К последним можно отнести, например, Фридриха Ницше (Friedrich Nietzsche), утверждавшего о смерти Бога и потребности нигилизма к существующей морали. Он очень тонко почувствовал возрастание роли иррациональных моментов в жизни современников, что зафиксировал идеями «жажды власти» и «сверхчеловека».⁵ К тому же, его работы заинтересовали многих, что показательно, и среди интеллектуалов того времени его поклонниками стали: Бернард Шоу (George Bernard Shaw), Альберт Швейцер (Albert Schweitzer), Стефан Цвейг (Stefan Zweig), Герман Гессе (Hermann Hesse), Жан-Поль Сартр (Jean-Paul Sartre), Альбер Камю (Albert Camus)⁶ и др. Их отличал реализм и пессимизм в оценке человека и его родовой сущности.

Деградация традиционной морали и нигилизм, несомненно, способствовали возрастанию вражды к Чужому или Другому, особенно если это представитель той нации, с которой исторически были непростыми отношения. В таких условиях настороженность к иностранцам или «иногородцам» легко способна переходить к поиску «козла отпущения» в условиях неблаго-

приятных социальных условий или потрясений. И тогда далеко не все способны, подобно Эмилю Золя (его открытое письмо президенту Франции Феликсу Форю от 13 января 1898 года «Я обвиняю» и обвинение правительства в анти-семитизме и незаконном осуждении военным судом Альфреда Дрейфуса) осуждать насилие и несправедливость по отношению к «инородцу». Ведь, энтузиазм населения и «государственный» патриотизм, с одной стороны, и образ врага-иностранца, с другой, были немаловажными источниками ожидания «большой войны» в начале XX века, а потом и Второй мировой войны уже в середине этого века.

Последняя стала ярким примером того, что происходит с человеком и обществом, когда «биологический зверь» вырывается на свободу в человеческой популяции. Поэтому Фридрих Ницше не был прав, утверждая: «Уметь быть врагом, быть врагом – это предполагает, быть может, сильную натуру, во всяком случае это обусловлено в каждой сильной натуре. Ей нужны сопротивления, следовательно, она ищет сопротивления: агрессивный пафос так же необходимо принадлежит к силе, как мстительные последыши чувств к слабости».7 Его мысли о войне – это образец размышлений, как кажется, человека, имеющего опыт внутренней войны с самим собой и какие-то межличностные конфликты с окружением. Но в мировой войне благородство натуры, честь, справедливость являются «моральным анахронизмом» в условиях чрезмерной жестокости поступков и а-логики мотивации отношений в рамках «Свой – Чужой».

Вторая мировая война – это яркий пример торжества антигуманизма, как линии поведения противоположной принципу гуманизма. И его торжество, к сожалению, феномен европейской культуры со времен наполеоновских войн. И с ним необходимо считаться, чтобы не повторить ошибки, уже сделанные дважды на протяжении XX века, ибо случайностью сложно назвать то, что имеет тенденцию к повторению. Здесь имеет место, как кажется, недооценка моральных идеалов, ценностей и стандартов жизни, которые важны для человека в обществе традиционного типа и несколько преувеличиваются наработки демократического (открытого, за Карлом Поппером) общества. Деймос и демократия являются сложными социальными феноменами; прежде всего в демократическом обществе ценятся инициатива, социальная мобильность, индивидуализм или волюнтаризм, как моральные принципы, определяя моральные качества человека, культивируемые благодаря его социализации. Поэтому важно учитывать, что в античном понимании *δημοκρατία* есть не только властью народа, ибо *δημος* имеет коннотации «народ» и одновременно «ужас».

Истинным ужасом для человечества стал опыт Второй мировой войны, которая показала хрупкость морали как феномена культуры и способность к быстрой деградации многих представителей *Homo sapiens*.

Наверное, именно это предчувствовал Томас Манн, публикуя в базельской газете (Швейцария) статью Культура и политика (Националь Цайтунг,

23 июля 1939 года) и утверждая, что если в будущем будут войны, более разрушительные, чем Тридцатилетняя война в Европе, то они оставят ее раздробленной и на столетия отброшенной назад. И виновником трагедии будет германский национал-социализм. Как кажется, писатель не ошибся: можно попытаться уменьшить междунациональные трения на основе экономической интеграции европейских стран; можно культивировать похожий способ и стандарты повседневной жизни, но очень сложно стать единым культурным пространством, имея не одинаковые или во многом довольно непохожие моральные ориентиры и ценности на западе, юге, севере, центре и востоке Европы.

Мораль – древний социальный институт как явление, но мораль отдельных групп может резко деградировать, столкнувшись с беспрецедентным опытом тотального насилия.

Именно это Европе «подарено» наполеоновскими военными кампаниями и мировыми войнами, особенно Второй мировой. XX век – это экстраординарный опыт тотального насилия в формате «Свой – Чужой», когда нет места гуманизму как принципу мировоззрения и поведения, а мораль как социальный институт, который сдерживает «внутреннего зверя» у *Homo sapiens*, и ее нормы рассматриваются как нечто не нужное по факту. Это опыт массового игнорирования христианских ценностей и сути христианских заповедей, к примеру требования «Не убивай» другого христианина. И уж тем более кощунственным опытом является надпись на металлических бляхах поясов нападающих на своих соседей: «С нами бог» (именно это себе позволяли солдаты Вермахта во времена Второй мировой войны). Не менее кощунственным опытом есть практика концлагерей для «инородцев», даже если они не являются кадровыми военными, а просто женщины, мужчины и даже дети другой национально-культурной традиции, насильственно вывезенные на принудительные работы, медицинские эксперименты и прочие. Другими словами, в массовое сознание в этот период было внедрено убеждение о ценности «войны всех против всех» и прикрыто идеей «естественного отбора», с одной стороны, и мифологемами «исключительных предков» и «инородцев-недочеловеков», с другой стороны.

Два взгляда на войну: Бертольт Брехт и Александр Довженко

Трагедию Европы, как кажется, можно лучше понять при попытке анализа проблемы восприятия врага при создании произведений писателями, которые стояли, так сказать, по «разные стороны баррикад» во Второй мировой войне.

Бертольт Брехт (1898-1956) принадлежит к тому поколению представителей европейской культуры, которым пришлось стать свидетелями двух мировых войн, в которых их родина Германия принимала участие под разными флагами и с различными идеологиями, но каждый раз непосредственно и с ужасающими последствиями.

Важно отметить, что Брехт был непримиримым противником войны

как таковой, его можно считать даже пацифистом. Он использовал свой творческий талант и аналитический склад ума для вскрытия неприглядной сущности бравурной милитаристской пропаганды. Показательным считаем факт, что за юношеское стихотворение Легенда о мертвом солдате, написанном еще на исходе Первой мировой войны в 1918 году, его лишили немецкого гражданства. Это произошло в 1935 году уже в нацистской Германии, из которой он вынужден был бежать вскоре после прихода к власти Гитлера. Поэтому за подготовкой и ходом Второй мировой войны немецкий писатель наблюдал уже в эмиграции, меняя страны «чаще, чем ботинки». Опыт отношения к проблеме «Свой – Чужой» поэтому у него был необычным: Брехт точно не был писателем-апологетом нацизма.

Другими словами, Бертольт Брехт интересен как очевидец тягот и несправедливости войны, у него есть свое мнение и о Первой мировой войне, и о Второй мировой. И, кроме того, этот очевидец является человеком, который не симпатизировал военным кампаниям, что были организованы социал-нацистским правительством Германии. А также он представляет духовную элиту германского общества первой половины XX века. Это известный писатель своего времени, оставивший потомкам багаж произведений о войне. Это писатель, который целенаправленно и не один раз критиковал войну как социальное явление.

К примеру, в пьесе Что тот солдат, что этот (Mann ist Mann, 1924-1926) он пытается не героизировать солдат и войну: «Любого солдата можно всегда заменить...»;⁸ «Но вы ведь хозяйка походного трактира и, значит, постоянно имеете дело с самыми опасными людьми в мире – с солдатами»;⁹ «...особенно хороша солдатская жизнь во время войны. Ведь только в бою достигает мужчины своего настоящего величия. Известно ли вам, что мы живем в великую эпоху? Перед каждой атакой солдат получает бесплатно во-от такой стакан спиртного, и от этого его мужество становится безмерным, воистину безмерным»;¹⁰ «...война разразилась. Значит, прошло время беспорядка. Следовательно, больше нельзя считаться с желаниями отдельных лиц». ¹¹

Правда, в этой комедии Брехт иронизирует над британской армией, ее нравами и порядками, а немцы и британцы были по разные «стороны баррикад» в Первой мировой войне. Поэтому здесь фиксируем, как кажется, больше негативное восприятие чужих солдат, т.е. солдат противников.

В своих произведениях 1930-1940-х годов он смело и умело критикует и показывает опасность несостоятельности попыток нацистской пропаганды оправдать военную агрессию путем разделения европейского общества искусственным и самым примитивным образом в социальном формате «Свой – Чужой». Ибо «свои» солдаты всегда хороши, а вот «чужие» плохие, последние демонизировались, обезличивались при создании образа врага. Пропаганда в прессе, литературе и кинематографе создавала образ «Своих» как несправедливо терпящих нужду и находящихся в опасности. Но в то же время жалость по отношению к «Чужому» демонстрировать не полагалось.

Особое внимание Бертольта Брехта привлекали попытки нацистов манипулировать общественным мнением в Германии, когда в массовой культуре и политическом дискурсе создавался образ якобы совершенно непохожих на немцев жителей соседних Чехословакии и Польши, представителей славянского и еврейского населения. Но практически не изучены произведения Брехта, где он говорит об Украине как жертве агрессии Третьего Рейха. Как кажется, стихотворения и пьесы Брехта направлены на противодействие техникам обезличивания украинского народа в нацистской пропаганде, когда, например, на первый план выносилась ценность и жизненная необходимость для Германии плодородной украинской земли без даже упоминания о живущем там населении. Однако интересно, что в произведениях Брехта Польша и Украина предстают в общем ракурсе как территория, на которой проживает большое количество еврейского народа. При этом Бертольт Брехт разрушает мифы нацистских пропагандистов, указывая, например, на общность насущных проблем для крестьян, тяжело работающих на земле, неважно в немецком ли Бранденбурге или же в украинских степях, а также на то, что призыв Гитлера к войне лишь отвлекает от решения внутренних, действительно важных проблем немцев.

Видение Александром Довженком (1894-1956) войны также уникально, хотя бы потому, что свидетель Первой мировой войны, а также участник гражданской войны (1917-1920 годов в Украине после Октябрьского переворота в Российской империи в 1917 году) и доброволец-журналист Второй мировой войны (корреспондент газеты Красная армия). К тому же, Александр Довженко – это известный украинский писатель, автор рассказов о войне и трагедии «маленьких людей», их страхах, боли и человечности в нечеловеческих условиях. К примеру, он написал необычный рассказ Мать (Мати, 1943), в котором центральный персонаж – это пожилая женщина-украинка, не утратившая альтруизм к чужим детям (раненым солдатам) в условиях насилия и террора.

Также Александр Довженко создал уникальный визуальный культурный продукт в условиях Второй мировой войны: киноповесть Украина в огне (1943) о трагедии мирного населения во время мировой войны, когда мораль перестает выполнять функцию сдерживания «биологического зверя» в человеке, запрещенную к показу лично Сталиным. Опыт и художественное мышление этого человека были необычными. Обращаем внимание, что Чарли Чаплин дал когда-то такую высокую оценку этому художнику: «Славяне пока что дали миру в кинематографе одного великого художника, мыслителя и поэта – Александра Довженко». Поэтому видение Довженком проблемы «Свой – Чужой» в условиях военного конфликта представляется интересным. Ведь это взгляд человека с большим опытом боевых действий. К тому же, это взгляд очень наблюдательного человека, способного внимательно фиксировать происходящее и анализировать увиденное. Он активно защищает, в силу своих возможностей, свою страну и свой народ, ставшей жертвой нацистской

агрессии: пишет статьи, выступает на радио, принимает участие в митингах. Его опыт войны уникален и тем, что он потерял восьмидесятилетнего отца из-за зверств немецких войск на территории Украины (писатель узнал об этом в марте 1942 года).

Поэтому опыт Довженко при создании киноповести Украина в огне лично окрашен, он не приукрашивает действительность во имя пропаганды, он показывает ужасы войны и ее последствия для мирного населения: большинство этих людей морально сломлены, испытав голод, отчаяние, издевательства и тотальный страх. Поэтому не удивительна негативная реакция политической элиты того времени на киноповесть, оцененную Иосифом Сталиным на заседании политбюро ЦК ВКП(б) 31 января 1944 года «антисоветской, ярким проявлением национализма, узкой национальной недалекостью, платформой украинского национализма, враждебного ленинизму, враждебного политике нашей партии та интересам украинского и всего советского народа».12

Главная причина такой резкой оценки и последующей опалы украинского писателя, сценариста и режиссера – это довольно трезвый взгляд на войну и попытка обратить внимание, что Вторая мировая война ужасна, прежде всего, потерями и моральной деградацией мирного населения. (Важно помнить, что украинцы, белорусы и немцы – это три нации, больше всего потерявшие своих представителей во время Второй мировой войны).

Статистика гибели мирного населения Советского Союза показывает истинную трагедию, на протяжении 1941-1946 годов потери были такими: 8 % трудоспособного населения, 5 % старше трудоспособного населения, 21 % лиц моложе периода трудоспособного населения (Изменение численности населения по полу и основным возрастным группам за годы Великой Отечественной войны,13 статистические показатели по населению14).

Следует учитывать, что большую часть погибшего мужского населения составили военные, и прежде всего военнопленные. Так, к зиме 1941 /1942 года – около 2,5 миллионов погибших пленных бойцов Красной армии, в 1942 году в плену находилось 1,5 миллионов пленных: «О массовой гибели наших пленных молчала и советская, и немецкая, и английская, и американская печать. Их братские могилы неведомы или забыты. Тем не менее народ об этой трагедии узнал».15

Важно обратить внимание, что основными погибшими были дети и подростки, они стали главной жертвой голода, убийств и насилия со стороны взрослых. Можно с уверенностью сказать, что Вторая мировая война – это Молох, пожирающий детей. Оценка потерь населения в годы этой войны показывает еще одно страшное проявление «биологического зверя»: общее число погибших в Советском Союзе во время последней мировой войны сейчас оценивается в 39,3 миллионов человек, но потери среди мужчин составили 26,5 и женщин 12,8 миллионов.16 Однако тогда становится понятным, что девочки и девушки до 18 лет становились главным объектом насилия во вре-

мя этой военной кампании, сексуального или иного, что становилось причиной их смерти (имеем в виду мирное население). Нужно указать и следующую не менее страшную вещь: в зоне оккупации тогда оказалось 44,5 % населения бывшего Советского Союза, хотя территория оккупации была сравнительно небольшой – 8,7 %.¹⁷

Другими словами, почти половина населения страны получила деструктивный опыт тотального насилия и попрания моральных норм, когда чужая жизнь и свобода не имеют значения для тех, кто стал врагом.

Однако сравнение упоминаний о Второй мировой войне в творчестве двоих известных писателей наводит на мысль и о следующем: Бертольт Брехт более ценит пацифизм, нежели гуманизм. Возможно, это обусловлено его личным опытом «наблюдавшего из далека» за перипетиями военных событий в Германии и Советском Союзе. Можно сказать о нем как о человеке-наблюдателе за происходящими деструктивными событиями в его родной стране, но его наблюдения сделаны с довольно безопасного для его личной жизни расстояния. Он является, несомненно, патриотом своего народа, при этом Брехт способен более-менее с сочувствием относиться к «инородцам», с которыми воевала тогда его страна (даже если он и был избавлен от ее гражданства). Но все же он не особенно дифференцирует этих «инородцев», они для него, скорее всего, безликая масса, в которой его внимание привлекают военные и крестьяне. Почему внимание привлекают первые – понятно, а вот интерес к крестьянам не совсем понятен. Возможно, здесь фиксируется отсутствие интереса писателя к тяготам жизни мирного населения в чужой стране, тогда он «германоцентричен» или «немецкоцентричен». Возможно его вообще не интересует такая категория людей, они просто предлог для размышлений о войне как социальном зле.

Подход Александра Довженко к оценке войны другой, он дифференцирует и своих, и чужих, обращая внимание на их происхождение, возраст, пол. Он тоже патриот своего народа, однако в его произведениях сложно найти сочувствие к военным – представителям страны-агрессора во Второй мировой войне. И причин этому может быть несколько – опыт участника боевых действий, т.е. очевидца, а не наблюдателя за военной компанией; опыт личной потери дорогого человека от рук неприятеля. Поэтому его фиксация событий середины XX века и оценка войны как социального явления, а также оценка Второй мировой войны сквозь «моральную линзу» кажется более заслуживающей углубленного анализа. К тому же, Довженко является представителем национально-культурной традиции, относящейся к славянскому культурному кругу – украинской традиции, которая для многих европейцев вообще не известна.

Но хочется напомнить об предположении Гердера о будущем кризисе в жизни Европы (он имел в виду кризис в обществах Западной Европы и причем намного раньше Шпенглера) и о положительной роле славян, особенно украинцев, для выхода из этого кризиса. К такой мысли он пришел, изучая

украинский быт, одежду, песни и прочие. А ведь он тоже представитель немецкой национально-культурной традиции, как и Брехт или Шпенглер.

Довженко о Второй мировой войне и врагах

Украина и Белоруссия были оккупированы несколько лет (до лета 1944 года). Украинский писатель и кинорежиссер Александр Довженко был очевидцем событий Второй мировой войны и ее античеловеческих, а также антихристианских ценностей и установок. Особенностью его творчества, по нашему мнению, является попытка быть более-менее искренним при оценке случившегося, как величайшей трагедии XX века.

Обратимся к видению писателем Второй мировой войны, как очевидца событий. (Здесь мы анализируем страницы его дневника, обращаясь, прежде всего к событиям 1941 года).¹⁸ Что такое война, когда на тебя напали соседи? Как они тебя воспринимают? Как меняется тогда повседневная жизнь? (В тексте выделения сделаны нами, как слова-«маркеры», т.е. фиксирующие морально-этические оценки войны и ее элементов объективного и субъективного планов – автор).

<i>Образ войны как социального явления</i>	
Цитируется языком оригинала - украинский язык	Цитируется с переводом на русский язык – Мой перевод
Трагічний пафос відступу у жертв. Скот. Хліб. Нищення. Філософія нищення. Самогубство заводів-гігантів. Дніпрельстан. Вибух. Просьба будівника-директора не рвать. (с. 9).	Трагический пафос отступления у жертв. Скот. Хлеб. Уничтожение. Философия уничтожения. Самоубийство заводов-гигантов. Днепрогэс. Взрыв. Просьба строителя-директора не взрывать. (С. 9).
Німці прикрили свій ганебний наступ нашим населенням. Діти, жінки, діти. Їх гнали німці перед собою. Примовкали наші кулемети. Тоді у страшній тиші чути було слова, голоси жінок: - Стріляйте по нас, не жалійте, стріляйте, товариші! Рятуйте себе і Україну нашу – скривавлену Матір (с. 9-10).	Немцы прикрыли свое позорное наступление нашим населением. Дети, женщины, дети. Их гнали немцы перед собой. Замолкали наши пулеметы. Тогда в жуткой тишине слышно было слова, голоса женщин: - Стреляйте по нам, не жалейте, стреляйте, товарищи! Помощь себе и Украины нашу - окровавленную Мать (с. 9-10).
Німці наказали одкрити церкви. За відсутністю приміщень, церкви одкриті в школах. В школах вчать німецької мови і Закону Божого (с. 10).	Немцы приказали открыть церкви. При отсутствии помещений, церкви открыли в школах. В школах учат немецкому языку и Закону Божьему (с. 10).
Був настрої очікувальний. Зараз всі селяни проти німців (с. 10).	Было настроение ожидания. Сейчас все крестьяне против немцев (с. 10).
Голод. Гине Харків. Населення гине од голоду (с. 10).	Голод. Погибает Харьков. Население погибает от голода (с. 10).

Нелюдські умови життя військовополонених. У яму їх кидають дохлу коняку. Вони розривають її зубами на шматки (с. 10).	Нечеловеческие условия жизни военнопленных. В яму им бросают сдохшую лошадь. Они разгрызают ее зубами на куски (с. 10).
Повішені падають з петель і розбиваються, як мармурові статуї (с. 10).	Повешенные падают с петель и раскалываются, как мраморные статуи (с. 10).
У Чернігові божевільні на вулиці під час обстрілу – і регочуть. Один грає на роялі на пожарищі. Розлетівся будинок. Чудом лишився рояль. Сидить божевільний і грає щось веселе: «І шумить, і гуде, дрібен дощик іде», – приспівує і регоче (с. 11).	В Чернигове сумасшедшие на улице во время обстрела – и хохочут. Один играет на рояле, на пожарище. Разлетелся дом. Чудом остался рояль. Сидит сумасшедший и играет что-то веселое: «И шумит, и гудит, мелкий дождик идет», – напевает и хохочет (с. 11).
Одбивали ми у німців наші села. Напівспалені, поруйновані, засмічені, зганьблені, поругані. Вилізли нам назустріч наші люди. Вилізли ті, кого німці не встигли чи не змогли забрати з собою. Люди не радувалися своєму звільненню. Їм нічим було радуватися. Не було сили. Вони дивилися на нас бліді, змучені, і на людському чолі лежало тавро чогось такого, що не можна висловити ніякими словами – тавро ганьби знущань, морального розкладу. Це були бідні, згвалтовані й опоганені, спустілі людські душі. Такими вони вже і вмруть (с. 19).	Отбивали мы у немцев наши села. Полусторевшие, разрушенные, грязные, опозоренные, униженные. Вылезали нам навстречу наши люди. Вылезали те, кого немцы не успели или не смогли забрать с собой. Люди не радовались своему освобождению. Не было причины радоваться. Не было сил. Они смотрели на нас бледные, измученные, и на человеческом лбу лежало клеймо чего-то такого, что нельзя выразить никакими словами – клеймо позора издевательств, морального разложения. Это были бедные, изнасилованные и оскверненные, опустевшие человеческие души. Такими они уже и умрут (с. 19).
Бійці так втомлялися, що падали на сніг прямо при 22° морозі і тут же засинали. Їх будили тут же, щоб вони не замерзали (с. 19).	Солдаты так уставали, что падали на снег прямо при 22 ° морозе и тут же засыпали. Их будили сразу же, чтобы они не замерзли (с. 19).

Как видим, тема насилия, убийства и унижения, неминуемые потери мирного населения – основная нить дневника украинского писателя, как свидетеля Второй мировой войны. Страдания и страх приводят к необратимым изменениям внутренней жизни многих людей на оккупированных территориях, а также участников боевых действий.

Особенно сложно в таких условиях быть женщиной, ведь у войны «не женское лицо». Женщина, не зависимо от возраста, легко становится жертвой насилия, и чаще всего сексуального. Вырвавшийся на свободу «биологический зверь» имеет чаще всего лицо врага, напавшего на твою страну, он не имеет жалости.

Женщина и проблема насилия во время Второй мировой войны

Цитується языком оригінала - український язык	Цитується с переводом на русский язык – Мой перевод
---	---

Велика і надзвичайна тема – українська жінка і війна. Хто виніс і винесе на своїх плечах найбільше лиха, жорстокості, ганьби, насильства? Українська мати, сестра, жінка, улюблена.	Украинская женщина и война. Кто вынес и вынесет на своих плечах все бедствия, жестокость, позор, насилие? Украинская мать, сестра, жена, любимая.
Коло Запоріжжя німці посілали по воду голих жінок до Дніпра, щоб наші не стріляли (можна показати цю потрясаючу сцену) (с. 11).	Возле Запорожья немцы посылали за водой голых женщин к Днепру, чтобы наши не стреляли (можно показать эту потрясающую сцену) (с. 11).
Німці зґвалтували всіх дівчат. Дівчатка, літ по 15-16, бліді, змучені, плачуть тихенько (с.16).	Немцы изнасиловали всех девочек. Девочки, лет по 15-16, бледные, измученные, тихо плачут (с.16).
Горить село. Зима. Відчиняються двері. Вибігає напівгола, боса дівчина зі страшними криками з хати і біжить вулицею на поле. За нею німці. Не здогнали. Вбили (с. 17).	Горит деревня. Зима. Открывается дверь. Выбегает полуголая, босая девушка со страшными криками из дома и бежит по улице на поле. За ней немцы. Не словили. Убили (с. 17).
Село. П'ятдесят домів палає. Дві тисячі трупів, і в льоху одна-однісінька забита жінка (с. 17).	Деревня. Пятьдесят домов горят. Две тысячи трупов, и в погребе одна-единственная избитая до смерти женщина (с. 17).

Однако война и насилие, которое ставится тогда обыденным явлением, изменяют не только тех, кто выступает жертвой агрессии. Война и насилие меняют и моральный облик напавших, т.е. врагов, особенно тогда, когда они сами становятся пленными. Но даже когда они смогут вернуться назад к себе в страну, которая их направила убивать «Других» (в данном случае украинцев, славян) они будут всегда носителями опыта разрушения и деструкции, опыта моральной деградации. Кто-то из них будет потом испытывать угрызения совести, но кто-то, конечно же, нет.

При этом они чаще всего будут мужьями и отцами, правда возникает закономерный вопрос: какие ценности и идеалы они будут передавать своим потомкам? Когда речь идет о мужском населении Германии, пережившим ужасы Второй мировой войны, то важно помнить, что это уже было второе немецкое нападение на украинские земли с интервалом около 25 лет. Как не прискорбно на это обращать внимание, но молодые мужчины, пришедшие как солдаты Вермахта, во Вторую мировую войну на территорию Украины – это преимущественно дети солдат Первой мировой войны. Негативный моральный опыт отцов мог сыграть с ними «плохую шутку».

<i>Отношение к врагу со стороны украинского населения</i>	
Цитируется языком оригинала - украинский язык	Цитируется с переводом на русский язык – Мой перевод

<p>Полонених німців били жінки, і наші конвоїри нічого не могли вдіяти. Спроба захистити ні до чого не привела. Жінки були злі і страшні. Це була сама ненависть. Полонені, яких били жінки і діти на пожарищі, мовчали. Вони знали, що давно вже заслужили всякої кари, не те що бійки (с. 9).</p> <p>Обідрані, брудні, обморожені румунські й італійські полонені солдати кинулися на таких жалюгідних німецьких полонених, і почалася бійка Їх не можна було розняти. Це було видовище гідке і символічне (с. 9).</p>	<p>Пленных немцев били женщины, и наши конвоиры ничего не могли поделать. Попытка защитить ни к чему не привела. Женщины были злые и страшные. Это была самая ненависть. Пленные, которых били женщины и дети на пожарище, молчали. Они знали, что давно уже заслужили всякой казни, не только драки (с. 9).</p> <p>Изорранные, грязные, обмороженные румынские и итальянские пленные солдаты бросились на таких жалких немецких пленнх, и началась драка. Их нельзя было развести. Это было зрелище неприятное и символическое (с. 9).</p>
<p>Горбаті німецькі солдати. Криві, тонкі, як глисти (с. 9).</p>	<p>Горбатые немецкие солдаты. Кривые, тонкие, как глисты (с. 9).</p>
<p>Німецькі офіцери – скоти і мерзотники як на підбір. Вони огидніші од своїх хамів-солдатів. Вони крали, грабували і гвалтували. Перед ними тремтіло наше населення і німецькі солдати – теж (с. 16).</p>	<p>Немецкие офицеры – дрянь и мерзавцы как на подбор. Они отвратительные от своих хамов-солдат. Они воровали, грабили и насильовали. Перед ними дрожало наше население и немецкие солдаты – тоже (с. 16).</p>

Важно обратить внимание как писатель описывает образ врага-немца: «жалюгідний» (здесь фиксируется только презрение). Другим ему видится образ врага-румына или образ врага-итальянца: «обідрані, брудні, обморожені». (Здесь не фиксируется такое презрение как к немцам, имеем только описание внешнего вида людей).

Это кажется немного странным, ведь и немцы, и румыны, и итальянцы пришли в Украину как враги. Наверное, солдаты Вермахта и его союзники по-разному относились к местному населению, и это отразилось в отношении Александра Довженко к нападшим на его страну врагам.

Хотя возможно в его оценках зафиксирован и опыт предыдущей – Первой мировой войны, который повлиял на дифференциацию им образа врага. Обратим также внимание, что в своих дневниках писатель описывает события только двух лет Второй мировой войны, когда он был непосредственным участником боевых действий.

Заклучение

Как кажется, европейская культура имеет в себе два компонента в оценке ценности человеческой жизни как таковой и ценностях для жизни, что еще заметил Фридрих Ницше, говоря о «аполлонической» и «дионисийской» культурах. Другими словами, на протяжении длительного времени в Европе фиксируется сосуществование двух разновекторных тенденций в ценностных

установках и моральных ориентирах и поэтому способе жизни. Они далеко не одинаково проявлены по европейской территории, т.е. в Северной или Южной Европе, Центральной и Восточной, или же Западной Европе. И причин для этого множество, к примеру особенности этногенеза. Важно понять, что единая Европа – это возможная перспектива развития живущих сейчас на ее землях народов, наций, но это еще не свершившийся факт. Эта мировоззренчески-ценностная многокомпонентность и многоликость в традициях на фоне неординарных событий XX века является основанием для оправданного беспокойства не только за судьбу европейцев, но даже нашей цивилизации, причем в ближайшей, а не отдаленной перспективе. В Европе очевидно наличие нескольких культурных традиций – англосаксонской, романо-германской и славянской, которые вряд ли легко поддаются ассимиляции и пребывают в довольно непростых отношениях между собой. Но бросается в глаза длительность этой ситуации, когда речь идет о темпоральном аспекте социального взаимодействия. Не менее интересной является попытка игнорировать факт, что причина не связана исключительно с православием или католицизмом в их взаимодействии и противостоянии друг другу, т.е. с религиозными моментами человеческой жизни.

Историческая память – сложная вещь для понимания и оценки. «Религия добра» или «религия зла» – это проста метафора, но конфликт от моральных идеалов и ценностей Римской империи, ее социальной некрофилии по отношению к «инородцам», варварам и социальная витафилия многих других групп европейского населения, по-видимому, создал «мину замедленного действия». Факт остается фактом, наполеоновская кампания началась и была поддержана населением на землях, которые когда-то относились к «сердцу» Римской империи. Появление фашизма и национал-социализма в XX веке странным образом также связано, как кажется, с территориями, относящихся в прошлом к этой империи, главной моральной установкой которой был девиз: «Человек человеку волк», и меркантилизм, как принцип существования. Как не странно, Древнему Риму так и не удалось когда-то покорить население теперешних славянских территорий, но его милитаристский «дух» все еще беспокоит современную Европу.

Когда-то Европа оканчивалась за левым берегом Днепра и Доном, когда древние греки имели свое представление об Ойкумене. Сейчас мир Европы стал гораздо шире. Однако ценностные установки, моральные идеалы и принципы повседневной жизни являются далеко не одинаковыми в ее различных частях, как и образ «Своего-Чужого». Этот опыт важно исследовать и учитывать, чтобы Европа наконец стала единым домом для живущих здесь народов и наций.

Другими словами, нужно более внимательно относиться и изучать культурное разнообразие Европы, исходя из понимания, что нет единой европейской культурной традиции – существует несколько традиций. Нужно понимать, что нет единой Европы, а есть несколько культурных зон в пределах европейских территорий. И в них разное отношение к войне и миру, «своим» – героям войны, и «чужим» – изгоям и париям. К тому же за последний век сложилась довольно драматическая ситуация для представителей Европы, связанная с со-

циальными катастрофами – Первой и Второй мировыми войнами. Поскольку именно на территории Европы и осуществилась главным образом «великая драма кризиса человечности», и как следствие – тотальный травматический опыт от тотального насилия по отношению к мирному населению. Но огромные потери мирного населения, все же, относятся к представителям славянских групп европейского населения, они выступили главным кандидатом на уничтожение, а вторая группа – это цыгане и евреи. Правда, это не автохтонное население на европейской территории. Это актуализирует, несомненно, вопрос о потребности более внимательного изучения ценностного ядра национально-культурных традиций разных европейских народов по отношению к войне и миру.

И важно помнить о ценности не декларирования принципа мультикультурализма при организации жизни в «европейском доме», как это было модно делать в политических и интеллектуальных кругах многих стран Западной Европы с начала XXI века. Важно выйти за пределы национальной ограниченности и уж тем более снобизма по отношению к представителям других культур, если действительно есть интерес к созданию «не лоскутной Европы». И изучение опыта очевидцев, переживших трагедию – мировые войны, геноцид, Голодомор, Холокост, является ценным багажом на этом пути, пусть и очень болезненным для многих жителей современной Европы и не только ее. Но он важен, ибо способен развивать способность к состраданию, эмпатии, милосердию – важных человеческих качеств, не дающих опускаться к моральному беснованию, героизации «внутреннего зверя».

Изучение литературных произведений Бертольта Брехта и Александра Довженко может быть одним из способов привлечения внимания к проблеме «Свой – Чужой» в европейской культуре последнего столетия. А она является многогранной, тесно связанной с такими явлениями в современной социальной жизни как нигилизм и популизм, пацифизм и гуманизм. Также она связана с кризисом доверия между соседями, если был травматический для многих опыт значительного военного конфликта и временной промежуток, отделяющий от этого события, является незначительным. Этот кризис доверия передается эстафетой к следующему поколению, закрепляясь в качестве культурного паттерна, и поколение довольно легко готово «взять реванш» или действовать по принципу: «Можем и повторить».

Каждый из этих писателей в своем творчестве оставил ценную «капсулу времени», позволяющую увидеть важность морали как социального института, сдерживающего у многих людей «внутреннего зверя». Немецкий и украинский писатели оказались как внимательными аналитиками феномена пробуждения подобного «зверя», так и людьми, которые использовали свой незаурядный литературный талант для активной критики войны как социального явления, обращая внимание на его длительные деструктивные последствия для жителей Европы.

Важность этой проблемы для позитивного развития нашей цивилизации становится все более очевидной, как кажется, в свете многих экстраординарных

событий последних лет в жизни не только европейцев, но и представителей других культурных регионов, прежде всего через сокращение ресурсной базы, климатических изменений и увеличения связанных с ними природных катастроф. Фиксируемый кризис свидетельствует не только о возрастании «зоны турбулентности» в организации социальной жизни, распределении наличных ресурсов и т.п. Кризис актуализирует важность анализа причин насилия и нетерпимости к чужакам, «инородцам» – Чужим, ибо при таких условиях и «расцветает махровым цветом» вначале популизм и вскоре нигилизм, а потом снижается и барьер безразличия к социальной демагогии и милитаристской риторике.

При этом у некоторых людей легко просыпается желание не только под подушку положить «Майн Кампф» или поклониться мавзолею Ленина на Красной площади, но и возникает желание постоянно преступать через моральные нормы, нормы международного права и христианское требование «Не убий». А безнаказанность за содеянное по отношению к соседям стимулирует возрастание у многих современников желания решать свои проблемы исключительно за счет «Чужого».

Но если что-то повторилось, а повторилось уже несколько раз с интервалом в сто лет – наполеоновская военная кампания 1812 года и Парижская коммуна, Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, а потом Вторая мировая война через двадцать пять лет и так далее – это странный культурный рефрен, а не просто отдельные эпизоды в жизни населения Европы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Богданович М. И. *История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I*, Москва: Кучково поле, 2014.

Брехт, Бертольд. *Что тот солдат, что этот*. Театр [Пьесы. Статьи. Выскашивания], том 1. Москва: Искусство, 1963.

Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. Росстат, Москва, 2015.

Дебидур А. *Дипломатическая история Европы*, Ростов-на-Дону: Феникс, 1995, т. 1.

Деснянский С. Был ли побежден фашизм? *Вторая мировая: иной взгляд*. Историческая публицистика журнала «Посев», состав. и ред. Юрий Цурганов, Москва: Посев, 2005, с. 7-11.

Довженко О. *Сторінки щоденника (1941-1956)*, Київ: Видавництво гуманітарної літератури, 2004.

Ницше, Фрідріх. *Так казав Заратустра. Жадання влади*. Переклад з нім. Анатолія Онишко та Петра Таращука. Київ: Дніпро; Основи, 1993.

Ницше, Фридрих. *Ессе Ното*. Сочинения в 2 томах, т. 2, Москва: Мысль, 1990.

Нордау, Макс. *Вырождение* / Пер. с нем. и предисл. Ростислава Сементковского; *Современные французы* / Пер. с нем. А. В. Перельгиной; Послел. В. М. Толмачева, Москва: Республика, 1995.

Пушкарев Б. *Три Лица войны 1941 - 1945*. Вторая мировая: иной взгляд. Историческая публицистика журнала «Посев», состав. и ред. Юрий Цурганов, Москва: Посев, 2005, с. 3-7.

Україна Incognita [газета], 15 жовтня, 2019.

Шаррас Ж.-Ф. *История кампании 1815 года. Ватерлоо*, Москва: Кучково поле; Императорское русское историческое общество, 2015.